

УДК 94(470.56).083

Д. А. Сафонов**Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения**

В статье предпринята попытка на основании сохранившегося делопроизводства Оренбургского губернского жандармского управления определить состояние кадрового обеспечения за период 2-й половины XIX — начала XX века в провинциальном жандармском управлении. Этот процесс имел свои особенности, продиктованные конкретными условиями региона — юго-восточной окраины европейской части России.

Ключевые слова: жандармерия, политический сыск, Южный Урал, кадры, унтер-офицеры, филёры, секретная агентура.

9 сентября 1867 г. было введено новое «Положение о Корпусе жандармов», в соответствии с которым основными структурными элементами Корпуса жандармов стали губернские и уездные жандармские управления. В 1880 г. было ликвидировано III Отделение собственной его императорского величества канцелярии и в составе Министерства внутренних дел был создан Департамент Государственной полиции. В целях объединения всей полицейской власти в стране через несколько месяцев к нему был присоединен Департамент полиции исполнительной. Это привело к переменам в структуре политической полиции — теперь она состояла из Департамента полиции и Отдельного Корпуса жандармов. Общее руководство сосредотачивалось в руках министра внутренних дел. Департамент полиции являлся исполнительным органом Министерства внутренних дел. Департамент осуществлял «охранительно-розыскную работу» через местные органы — губернские и областные жандармские управления (ГЖУ, ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж.д.). Жандармские управления вели производство дознаний по государственным и наиболее тяжким уголовным преступлениям.

Создание единой системы поддержания правопорядка помимо прочего означало единообразие структурных подразделений, наличие общей правовой базы, на которой строилась деятельность жандармских управлений. Какой-либо вариативности в данном случае быть не могло по сути. Однако не могло не быть региональных особенностей: положение и условия службы в столичных губерниях неизбежно отличались от прочих губерний, которые, в свою очередь, имели некоторые различия между собой. Поэтому мы полагаем полезным взглянуть на вопрос в региональном масштабе, на конкретном примере одной губернии, а именно — Оренбургской. В Государственном архиве Оренбургской области существует фонд 21 Губернского жандармского управления, в котором достаточно подробно представлено текущее делопроизводство; личные дела сотрудников в фонде не сохранились. В 1920-х гг. материалы изучались достаточно внимательно на предмет поиска секретных сотрудников и «provokatorov»; итогом был ряд процессов второй половины 1920-х гг.

С самого начала, когда Корпус жандармов ещё только создавался, он рассматривался как самостоятельное воинское соединение с правами армии, являясь в то же время полицейской структурой. Нужно отметить, что уровень образованности у служащих в Корпусе был значительно выше, чем в общей полиции. Это достигалось порядком комплектования. В Корпус допускались армейские офицеры, прослужившие в строю не менее 5 лет. Реорганизация Корпуса в середине XIX века обострила кадровый вопрос. 17 мая 1871 г. Шувалов распорядился создать особую комиссию под председательством помощника начальника штаба Корпуса и утвердил «Правила для определения в Корпус жандармов

© Сафонов Д. А., 2013

вновь поступающих лиц». Если ранее в Корпус в принципе брали всех — нужны были достаточный стаж службы и благосклонность начальства, то теперь ситуация была иная. Ужесточились изначальные требования. Так, в 1894 г. для поступления в Корпус от офицеров требовались следующие условия: потомственное дворянство, окончание военного или юнкерского училища по 1 разряду, не быть католиком, не иметь долгов, прослужить в строю не меньше 6 лет. Далеко не все офицеры Оренбургского ГЖУ соответствовали вышеуказанным требованиям. Со значительной долей вероятности можно предположить, что особая строгость проявлялась при отборе для службы в столице и центре империи. Вероятно, особого прилива желающих служить на окраинах, к каковым относится и Оренбургская губерния, не было — потому и требования негласно смягчались.

Офицер подавал прошение на имя шефа жандармов, после чего специальная комиссия знакомилась с «общим развитием поступающего, его познаниями в специальной деятельности». Затем агенты собирали материал, необходимый для принятия окончательного решения: политическая благонадёжность и денежные дела — жандарм должен быть независим в материальном отношении [29, с. 30]. Если шеф жандармов утверждал положительное решение, то офицер прикомандировывался к штабу Корпуса для ознакомления с делопроизводством и приобретения необходимых для новой служебной деятельности познаний. По окончании этой своеобразной стажировки офицер сдавал экзамен в объёме специальной программы, причём комиссия обращала особое внимание на усвоение техники политического розыска, знание судебной организации каждого округа, устройства прокуратуры, умение вести следствие, знакомство с системой наказаний мировых учреждений и окружных судов.

Кроме устных ответов, давались письменные на заданные практические случаи, а также требовалось составить контрольный протокол по различным поводам. Комиссия, «по удостоверению в совершенном приготовлении к практической деятельности», представляла шефу жандармов своё заключение: на какую вакантную должность в Корпусе может быть назначен данный офицер «с большей для службы пользой» [22, с. 156, 157]. После этого офицер заносился в кандидатский список, по мере того как подходила очередь, он прослушивал 4-месячные курсы в Петербурге и вновь держал выпускной экзамен. Только после этого офицер переводился высочайшим приказом в ОКЖ.

За весь период существования Оренбургского ГЖУ в нём прошли службу 55 офицеров — от корнета до генерал-лейтенанта. Руководили Управлением 11 офицеров. Среди них мы встречаем и слабых работников (помощник начальника ОГЖУ Кучин, о котором в его аттестате говорилось: «умственные способности ограниченные» [3, л. 65], проработал 12 лет), и безынициативных (начальник ГЖУ С. Голоушев, по свидетельству народного Михайлова, «не был жандармом по призванию, а отбывал службу» [18, с. 254]), и просто недисциплинированных (ротмистр С. Богданович имел выговоры, аресты за неисполнение наказаний и опоздания) [4]. В то же время были и инициативные, способные офицеры — ротмистры Н. Шамлевич, В. Кафаров. Практически все офицеры имели по два высших образования — гражданское и военное.

В течение XIX века от офицера Корпуса требовались более всего качества чиновника, но в XX веке — уже качества розыскника.

Нижние чины Корпуса (вахмистры, унтер-офицеры, рядовые) поначалу назывались наблюдательным составом, несколько позже — чинами дополнительного штата. Комплектация этого штата — прерогатива начальника управления, но итоговое решение принадлежало штабу Корпуса жандармов.

В связи с ростом Корпуса и расширением круга служебных обязанностей к 60-м годам XIX века при Корпусе стали создаваться «приготовительные школы» для унтер-

офицеров — «для подготовки жандармских нижних чинов к сознательному исполнению обязанностей службы по наблюдательной части» [22, с. 156]. Сюда зачислялись войсковые унтер-офицеры по распоряжению Главного штаба. А затем они направлялись для службы на освободившиеся вакансии в наблюдательных частях Корпуса. Поступающий в школу должен был быть уволен с армейской службы, уметь обстоятельно изъясняться с начальством по службе, быть склонным к наблюдательной деятельности и вести трезвый образ жизни.

На 1 января 1873 г. из 5186 жандармских унтер-офицеров и рядовых умели читать и писать 4678 человек (88,3%). При этом 1309 человек (25,25%) выучились грамоте на службе [22, с. 157]. Архивные материалы сообщают только об одном унтер-офицере ОГЖУ, прошедшем такое годичное обучение, — Назаре Корниенко (август 1873 г.) [12, л. 24]. В целом же есть сведения об уровне подготовки унтер-офицеров ОГЖУ. Полковник М. Яровский дал в 1890 г. при проведении инспекторского смотра следующий отзыв: «При проверке знаний нижних чинов прямых их обязанностей и уставных сведений я нашел, что люди достаточно усвоили все эти сведения, в умственном развитии — люди развиты достаточно — могут излагать свои донесения на бумаге удовлетворительно. Нравственность нижних чинов вполне безукоризненна. Ни в каких проступках, не соответствующих званию, они не замечены» [15, л. 12—13]. Четверо были награждены медалью «За усердие», двое имели золотой шеврон на левом рукаве, прочие — серебряный.

Отметим, что на службу принимались и женатые, и холостые унтер-офицеры, но холостому разрешение на женитьбу давалось начальником Управления только после истечения пятилетнего срока службы [14, л. 12]. При поступлении на службу в Корпус унтер-офицер давал подписку о том, что обязуется пробыть на службе не менее пяти лет и за месяц до окончания срока заявить начальству о своём желании остаться на службе и далее, не менее чем на год, или же уволиться в запас. Затем подобная подписка возобновлялась ежегодно, но не более 20 лет службы в Корпусе [16, л. 15]. Раньше установленного срока можно было уволиться либо по несоответствию к службе или по неодобрительному поведению, или же по «болезненному состоянию».

Унтер-офицеры делились на три разряда: высшего, среднего и низшего оклада. При поступлении на службу все зачислялись на низший оклад, затем шло постепенное повышение. Порочащие честь мундира унтер-офицеры изгонялись со службы. В Оренбургском ГЖУ за всё время его существования чистка рядов проводилась неоднократно. Архивные материалы свидетельствуют, что моральный облик низших чинов ОГЖУ был далёк от совершенства — мы встречаем данные об увольнении со службы за нетрезвый образ жизни, за ложные доносы на коллег и начальство и проч. В то же время было немало работников, честно исполнявших свой долг. Вахмистр Е. Семёнов в декабре 1906 г. был награждён знаком отличия ордена Св. Анны за содействие, оказанное двум казакам, ставшим жертвами разъярённой толпы. Награждён был унтер-офицер И. Чернев, в одиночку задержавший двух грабителей [5, л. 5].

Уровень профессиональной подготовки низших чинов был предметом постоянной заботы со стороны офицеров Корпуса. Адьютанты, а порой и начальники ГЖУ проводили с ними занятия, используя учебную литературу, специально для этой цели издаваемую штабом Корпуса и отдельными управлениями. Существовала специальная система повышения квалификации унтер-офицерского состава. Это было вызвано в первую очередь тем многообразием функций, которые исполняли унтер-офицеры — несли патрульно-постовую службу, проводили дознания, вели оперативно-розыскную работу. Для унтеров издавались специальные «Своды знаний и сведений», где давалась полезная информация для работы, разъяснялись понятия, публиковались приказы и инструк-

ции. С воспитательной целью приводились примеры конкретных случаев ревностного отношения к службе.

Особой группой работников Корпуса были филёры. Название службы происходит от французского слова «fileur», что означало «сыщик», «шпик». Так именовался агент охранного отделения, проводивший наружное наблюдение, слежку.

Туда обычно принимались запасные нижние чины, преимущественно унтер-офицеры, не старше 30 лет. Требования к кандидату в филёры были чрезвычайно высоки. Инструкция Департамента полиции по организации наружного наблюдения требовала, чтобы филёр был «политически и нравственно благонадёжным, твёрдым в своих убеждениях, честным, смелым, ловким, трезвым, развитым, сообразительным, правдивым, откровенным, но не болтливым, дисциплинированным, выдержанным, уживчивым, крепкого здоровья, с хорошим зрением, слухом и памятью, с такой внешностью, которая позволяла бы ему не выделяться из толпы» [19, с. 1]. Излишняя нежность к семье полагалась качеством, несовместимым с филёрской службой. Принятый на службу сначала проходил своеобразную проверку, проводя наблюдение за своим же сослуживцем, и только после успешного завершения её ему доверяли настоящее наблюдение. Но и тогда поначалу его ставили только в помощники к более опытному работнику.

В задачи филёров входило наблюдать, чем занимались наблюдаемые лица, с кем общались. Все наблюдаемые проходили по кличкам. Задача наружного наблюдения была в дополнении данных, уже полученных внутренней (секретной) агентурой. Опыт показал, что наружное наблюдение было одним из основных источников информации Корпуса. Работали в основном парами, иногда до пяти человек одновременно. Работа чаще всего была достаточно эффективной — сказывался и опыт работников, и неопытность наблюдаемых. Так, прослеживая связи эсерки В. Корыстовой, оренбургские филёры раскрыли почти всю местную организацию партии социалистов-революционеров. В феврале 1911 г. по наблюдению проходили 16 эсеров, из них 13 попали под наблюдение именно из-за неё [9].

В филёры нередко просто назначали, но с 27 августа 1909 г. циркуляр Департамента полиции приказал в филёры брать только тех унтер-офицеров, «которые изъявили желание на это назначение» [7, л. 4]. Ранее филёры делились на две группы: состоящие на государственной службе и состоящие по вольному найму. В июне 1910 г. поступило циркулярное распоряжение, потребовавшее от руководства управлений «заботиться зачислением по району на государственную службу тех филёров, состоящих по вольному найму, которые ещё до сего времени не были зачислены на таковую» [7, л. 31]. По окончании службы филёры могли быть приняты на службу только в качестве городских или околоточных надзирателей [там же, л. 4]. Применительно к Оренбуржью был и обратный процесс — в условиях острой нехватки кадров в качестве филёров привлекались городские, откомандированные полицмейстером в распоряжение начальника ОГЖУ [11, л. 1, 15, 16].

Реалии первой революции и последующих лет привели к тому, что основным поставщиком информации с мест стали филёры, нежели чины жандармских пунктов. Так, 14 июня 1908 г. начальник Оренбургского ГЖУ полковник Бабич запросил Департамент полиции о разрешении заменить жандармские пункты на филёрские отряды, имея в виду перевод унтер-офицеров в филёры. Просьбу он аргументировал так: мундир стал отпугивать мирных обывателей и потому получать какие-либо сведения стало чрезвычайно трудно [7]. Департамент идею одобрил.

22 декабря 1914 г. «Положение о районных Охранных Отделениях» вновь потребовало усиления на местах филёрского состава, определяя как нормальный уровень «не ме-

нее двух человек при десяти человеках штата, при большем составе, не менее половины всех остальных» [6, л. 69].

Роль, которую играли филёры, была достаточно велика. Однако для провинции типа Оренбуржья филёрская служба постоянно сталкивалась с нехваткой квалифицированных кадров.

Мы располагаем данными по шести филёрам ОГЖУ. В 1925 г. Оренбургский революционный трибунал рассмотрел дело Василия Литвинцева, 41 года, грамотного, из крестьян; Петра Громова, 44 лет, самоучки, из крестьян; Никиты Елисеева, 43 лет, грамотного, из крестьян; Абрама Шонина, 60 лет, грамотного, из крестьян по обвинению в службе в Оренбургском ГЖУ филёром. Интересен путь каждого из них в жандармскую службу.

В 1912 г. В. Литвинцев служил в Оренбургской почтовой конторе почтальоном. По предложению охранника С. Кирина стал доставлять в охранку письма политически неблагонадёжных, за что и получал 10 руб. В 1913 г. со службы на почте перешёл в охранку филёром с окладом в 63 руб. в мес. На этой должности он прослужил секретным агентом до февраля 1917 г.

П. Громов поступил филёром в 1899 г. с окладом в 31 руб. по окончании действительной военной службы, прослужив до 1913 г. Потом он надел форму и стал работать жандармом до 1917 г.

Н. Елисеев поступил в охранное отделение в 1910 г. филёром с жалованьем 63 руб. в месяц. Вёл наблюдение за политически неблагонадёжными, подавал справки о розыске таковых. За усердную службу был назначен старшим секретным агентом, выдавал жалованье прочим секретным агентам и провокаторам, последним разносил секретную корреспонденцию и забирал сведения о ходе работ. В этой должности был до 1917 г. В 1920 г. скрыл своё прошлое, вступил в РКП(б), служил в Красной Армии, в техническом поезде. В 1921 г. вышел из РКП(б).

А. Шонин после военной службы в Оренбурге остался на сверхсрочную, потом перешёл в полицейское управления рядовым, а через семь месяцев — в управление воинского начальника в качестве кадрового унтер-офицера для учения ополченцев, где прослужил три года. В 1897 г. пришел в ЖУ секретным агентом (филёром) для наружного наблюдения за неблагонадёжными. За годы службы получил вознаграждение 1400 руб., золотую и серебряную медали.

Все вышеназванные обвинялись «в активной борьбе с рабочим классом и революционным движением во время их службы в царской охранке». Сам факт службы квалифицировался как преступление по ст. 67 УК. Трибунал не нашёл ни доказательств вины, ни свидетелей. Тем не менее приговор был вынесен: все были осуждены на пять лет со строгой изоляцией. Всем было засчитано предварительное заключение. Однако, принимая во внимание, что Литвинцев, Громов, Елисеев, Шонин происхождением из бедной крестьянской семьи, что до поступления в ЖУ занимались сельским хозяйством, что причина поступления на службу — материальная необеспеченность, несознательность и что со времени преступления прошло 8 лет, они социально опасными более не являются — и потому были освобождены [17].

В 1926 году перед трибуналом предстали Сергей Гирин и Сергей Мещеряков, которые в 1908—1909 гг. вели наружное наблюдение за социал-демократами. Они фиксировали, «кто где был, сколько был, с кем встречался, сколько говорил». Показательно суждение журналиста: «Филёры — это жандармские унтер-офицеры, не носившие форму. Филёр и провокатор — главные винтики механизма охранки». Но теперь, заключал автор заметки, — «эти жалкие обломки прошлого не страшны мощной советской власти и осо-

бой сейчас социальной опасности не представляют», почему суд дал им всего по 5 лет каждому со строгой изоляцией и пятилетним поражением в правах [20].

Очень важную роль в деятельности Департамента полиции играла секретная агентура — на её долю приходился основной сбор необходимой информации.

Система секретных сотрудников была создана первоначально в 1880—1890-х годах в Московском Охранном отделении, которым руководил сначала полковник Бердяев, затем полковник Зубатов [21, с. 13]. В 1902 г. розыск был реорганизован: по главным городам империи создавались такие отделения, названные розыскными пунктами. Они подчинялись начальнику Особого отдела Департамента полиции. В 1906 г. этот Отдел был разделён на два подотдела: один занимался сыском в политических партиях, другой — в массовых движениях и среди общественности. В 1907 г. последний был переименован в так называемое 4-е делопроизводство, в круг интересов которого теперь входило рабочее и крестьянское движение, деятельность легальных обществ, организаций, органов городских и сельских земств.

Секретный сотрудник не имел чина, не считался состоящим на службе, он не заявлялся в ведомостях, представляемых в Государственный контроль. Во всех документах он упоминался лишь по кличке, ею же он подписывал свои донесения. По негласному правилу, секретный сотрудник находился в контакте только с одним офицером Управления и только он знал настоящее имя и установочные данные сотрудника. Кроме него знать подлинное имя сотрудника мог только начальник Управления и, в отдельных случаях, Департамент полиции. Сведения о сотрудниках берегли. Так, в Оренбургском ЖУ последний его начальник полковник П. Кашинцев сразу после Февральской революции 1917 г. первым делом уничтожил все документы с установочными данными на секретных сотрудников [13, л. 132]. В то же время нельзя утверждать, что конспирация соблюдалась всегда и везде. Например, начальник Управления полковник Бабич, не имея конспиративной квартиры, назначал агентам встречу на своей собственной квартире, которая находилась на втором этаже. На первом располагалась канцелярия ГЖУ [10, л. 128].

Секретные сотрудники подразделялись на две категории: те, кто давал важные сведения о деятельности нелегальных партийных групп, рабочих и общественных организаций, и те, кто осведомлял относительно настроений населения. Последние были своеобразным резервом для пополнения секретных сотрудников первой категории.

В провинциальных управлениях кадровый вопрос стоял достаточно остро. Так, Оренбургское ЖУ вплоть до начала первой революции 1905—1907 гг. не имело, за ненадобностью, никакой агентуры. Когда же в новых условиях просто наблюдения — «со стороны» — оказалось мало, выяснилось, что нет квалифицированных кадров. Ещё в конце 1905 г. наружное наблюдение осуществлялось через унтер-офицеров управления. Вскоре они стали узнаваемы и управление стало изыскивать новые формы работы — обмен сотрудниками с соседними регионами, привлечение добровольцев из полиции и др. Уровень их подготовки оставлял желать лучшего. Так, «по обмену» прибыл в Оренбург пристав из Казалинска Семёнов, показавший удивительный непрофессионализм. После собрания рабочих он увязался за группой руководителей. Когда решено было взять бутылку водки, он выложил два рубля, предложив взять побольше. Но посланный вернулся с пустыми руками: был церковный праздник и водку не продавали. Тогда Семёнов заявил, что он напишет записку и «сейчас же по ней отпустят». После того как Семёнов ушёл, рабочие стали разбираться, кто же это был. Выяснилось, что его привёл рабочий Зотов, в свою очередь познакомившийся с ним в пивной. Тот очень просился на митинг, убеждал, что он-де «свой» человек. Вечером того же дня Семёнов заявился к одному из рабочих руководителей домой и стал убеждать его в необходимости поскорее отпечатать листовку,

почти насильно всовывая ему в руки экземпляр. На следующий день Семёнов пришёл на сходку рабочих. Он не только записывал фамилии говоривших, но и подбивал собравшихся идти с протестом на квартиру полицмейстера, составлять прокламации, группами по 20 человек идти к Управлению дороги, чтобы потом разнести его. Возмущённые рабочие обыскали Семёнова и обнаружили убедительные доказательства [24, с. 42].

Побудительные мотивы, приводившие людей в ряды секретных сотрудников, были разными — чаще всего это была корысть. «Идейных» сотрудников были считанные единицы. И брали не всех — к ним также предъявлялись определённые требования, касающиеся деловых и моральных качеств. Так, в мае 1907 г. Оренбургскому Управлению предложил свои услуги отставной вольноопределяющийся Ромуальд Сухомель, но ему отказали — вёл нетрезвый образ жизни и был несдержан на язык. Тем не менее он начал хвастать, что является «агентом правительства», и вскоре был убит эсеровскими боевиками как «шпион» [24, с. 36].

Всё равно добровольцев не хватало, вот почему широко применялся иной способ, когда людей «заагентуривали» после ареста, путём давления и угроз. Нет ничего удивительного в том, что надёжность подобным образом обрётённых сотрудников была низка. Среди «тайных агентов» ОГЖУ мы встречаем даже слепого нищего. Участник революции И. Агарков рассказывал, что в соседях у него был слепой нищий Тихон. Он как-то попросил: «Подстриги меня, Игнатий, да получше. Ты, говорит, никому не сказывай, ведь я поступил в полицию тайным сыщиком, а потому надо поприличнее себя держать, знаешь, там начальство». И вот однажды, когда Агарков читал соседям нелегальную брошюру, Тихон его схватил и потащил в полицию. Только вмешательство его матери, чтоб «не затевал скандал по соседству», остановило ретивого «тайного сыщика» [24, с. 38].

Среди работников были и откровенно слабые. Ежемесячно Департамент полиции направлял в управления списки секретных сотрудников, «склонных к шантажу, неблагонадёжных в правительственном отношении» [1, л. 1—16]. В списках — десятки фамилий уволенных как не заслуживающих доверия из-за склонности к шантажу и провокации, за подлоги и кражи, за злоупотребление спиртными напитками. Цель рассылки — предупредить прочие управления, дабы указанные лица более нигде на службу не принимались.

Провалы секретных сотрудников заставили усилить конспирацию, и для заведования ими в составе Отдела была создана секретная Агентурная часть.

Аппарат секретных сотрудников возник не везде одновременно — в ряде мест, особенно в провинции, это происходило по мере необходимости. В феврале 1908 г. Департамент ассигновывал на секретную агентуру ОГЖУ 300 руб. в год [2, л. 47], на 7—11 сотрудников в период с июня 1909 по март 1910 года выделялось 185—255 руб.

Анализ донесений позволяет составить список действовавших агентов (на 1.6.1909 г.): по Оренбургу — «Карл» (социалисты-революционеры (ПСР)), «Кашин» — (социал-демократы (РСДРП)), «Тёмный» (анархисты-коммунисты (АК)), «Тюремный» (АК), в Челябинске — «Чёрный» (РСДРП), в Троицке — «Почтовый» (РСДРП), в Актюбинске — «Сибиряк» (АК), в Челкаре — «Водяной» (АК), в Кустанае — «Степной» [8]. В период 1909—1910 гг. их в среднем было не более 15 чел. В 1911 г. — по РСДРП ОГЖУ имело 4 агента: 1 «интеллигент» в Оренбурге, 3 рабочих в Челябинске, Актюбинске и Троицке. По ПСР в январе-марте 1911 г. — 1 «интеллигент» в Оренбурге и 1 рабочий в Челябинске. На 13.9.1912 г. отмечено всего 7 агентов. Среди агентов мы видим члена комитета партии эсеров М. Шлейфштейна («Карл»), более двух лет проработал член Самарской организации РСДРП Г. Войнов («Кашин»), управляющий редакцией левой газеты «Голос Приуралья» (Челябинск) В. Табах («Васильев»), казак Ф. Заикин («Яков»), рабочий Р.Раков, социал-демократ, выборщик в IV Государственную Думу («Артист»); социал-демократ,

корреспондент газеты «Правда» М. Брук, отставной капитан И. Предтеченский («Ипполит»). Получали они от 15 до 75 руб. в месяц. Были агенты, освещавшие мусульманское движение («Сойранов»), работу профсоюзов («Серегин»), железнодорожников («Бойкий», «Тихий»). В 1908—1909 гг. существовали три кружка анархистов-коммунистов и в каждом был свой агент.

После Февральской революции 1917 г. была создана специальная комиссия по разборке жандармских архивов, куда входили представители левых партий. Они занимались розыском по документам агентуры. Практически все, кого тогда обвинили в причастности, как тогда говорили, к «провокааторству», смогли оправдаться.

В 1926 году уже коммунисты провели несколько показательных процессов; даже в коротких газетных материалах много нестыковок, что, на наш взгляд, говорит об ангажированности процессов. Тем более что все процессы строились на «провокааторстве» против РСДРП; об иных партиях разговора не было. Примерно в это же время сходные процессы были организованы в других губерниях. Теперь в Оренбурге в качестве секретных сотрудников были привлечены: А. А. Богданов, сотрудник с 1912 г. в железнодорожных мастерских, тем не менее обвинённый в выдаче группы РСДРП в 1910 г., и М. С. Казымов, бывший в 1896—1914 гг. сначала филёром, потом переписчиком в Управлении. Любопытно, что заявление Казымова о том, что лично он никого не выдавал, а «эти товарищи, как ему известно, выдавались охранке лицами, являвшимися членами тех же организаций и некоторыми меньшевиками», суд просто объявил ложным. Данных о приговоре сообщено не было [23].

Спустя несколько дней, в ночь с 13 на 14 февраля, была предпринята попытка ареста М. И. Брука, бывшего на тот момент председателем Оренбургского губотдела союза Медикосантруд. Однако он застрелился на глазах пришедших его арестовывать. По мнению начальника губотдела ГПУ Денисова, это было вернейшим доказательством вины, ибо подобное «свойственно только действительно преступному элементу» [25]. И наконец, в августе прошёл суд над «провокаатором» Войновым. Ему в вину также был поставлен разгром группы РСДРП в 1910 году. «Несмотря на рыдания и земные поклоны самого подсудимого», трибунал приговорил его к расстрелу [26].

С большой долей вероятности можно заключить, что постоянный кадровый голод не был свойственен исключительно Оренбургской губернии, а наблюдался во всех окраинных губерниях. Постоянная нехватка кадров, отсутствие отработанной системы подготовки таковых в итоге приводили к необходимости использовать едва ли не любой подходящий человеческий материал, что, в свою очередь, ощутимо снижало эффективность деятельности. Оренбургское управление даже было не в состоянии охватить наблюдательной деятельностью все населённые пункты Оренбургской губернии. В итоге сведения как об уголовных, так и о политических преступлениях поступали в ГЖУ из сообщений общей полиции. И если в относительно стабильное время губернское управление как-то справлялось со своими обязанностями, то в условиях нарастающей нестабильности (1917 год) полный крах был неизбежен. От очевидного крушения авторитета силовой структуры спасли непродуманные действия МВД в марте 1917 г., объявившего о ликвидации корпуса жандармов и отправке офицеров и унтер-офицеров в действующую армию [28, с. 18].

Список использованных источников

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 72.
2. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 318.
3. ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 3.
4. ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 50.

5. ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 58.
6. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 15.
7. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 24.
8. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 34.
9. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 45.
10. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 49.
11. ГАОО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 75.
12. ГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Д. 24.
13. ГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Д. 44.
14. ГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Д. 53.
15. ГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Д. 55.
16. ГАОО. Ф. 21. Оп. 8. Д. 34.
17. ГАОО. Ф. 636. Оп. 1. Д. 964.
18. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М. : Советская энциклопедия, 1989. 832 с.
19. Инструкция по организации наружного наблюдения. СПб., 1908.
20. Ищейки охраны // Смычка. 1926. 17 июня.
21. Новицкий В. А. Из воспоминаний жандарма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 254 с.
22. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / В.Ф. Некрасов [и др.] ; гл. ред. А. Г. Горлов. М. : Объед. ред. МВД России, 1996. 462 с.
23. Оренбургские провокаторы (К предстоящим судебным процессам) // Смычка. 1926. 2 февр.
24. Политические партии и политическая полиция. М. ; Минск ; Гомель, 1996. 200 с.
25. Провокатор Брук: беседа с нач. губотдела ГПУ тов. Денисовым // Смычка. 1926. 16 февр.
26. Провокатор Воинов // Смычка. 1926. 3 авг.
27. Сафонов Д. А. Пробуждение. Революция 1905—1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996. 135 с.
28. Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917—1918 гг. Оренбург : Печатный дом «Димур», 2008. 448 с.
29. Спиридович А. И. Записки жандарма. М. : Худож. лит-ра, 1991. 263 с.

Поступила в редакцию 01.06.2013 г.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 94(470.56).083

D. A. Safonov

Provincial Gendarme Administration: the problem of staffing

An attempt is made to determine the status of staffing for the period of the second half of XIX — early XX centuries in the provincial gendarmerie on the basis of the preserved management records of Orenburg Province Gendarmerie. This process had its own peculiarities dictated by the specific conditions of the region, south-eastern edge of the European part of Russia.

Key words: Gendarmerie, political spying, Southern Urals, personnel, non-commissioned officers, detectives, secret agents.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru